

Повѣдка къ верховьямъ Большой Лиахвы и Ксанки (лѣтомъ 1903 г.).

I.

Природа края. Долина Лиахвы. Рубежь грузинскаго и осетинскаго населенія. Истребленіе лѣсовъ. Рокское укрѣпленіе. Отсутствіе дорогъ.
Сел. Эдисн.

Между $61^{\circ} 46'$ и $62^{\circ} 24'$ восточной долготы, т. е. отъ Гори до Мцхета, р. Бура принимаетъ съ лѣвой стороны, четыре многоводныхъ притока, берущихъ начало на южныхъ склонахъ центральнаго хребта Кавказскихъ горъ. Крайніе изъ нихъ: Большая Лиахва (съ Малой Лиахвой) на З. и Арагва на В. имѣютъ теченіе приблизительно отъ $85-90$ в., между тѣмъ какъ Рехула и Ксанка достигаютъ въ длину, первая лишь 40 в., вторая же до 70 в. Придерживаясь въ общемъ направленія съ С. на Ю. (верховья Лиахвы имѣютъ сперва направленіе на С.-З., а Арагвы на Ю.-В.), всѣ эти рѣчки долгое время пробѣгаютъ по дикимъ горнымъ долинамъ, окаймленнымъ высокими хребтами, и на сравнительно незначительномъ только пространствѣ, протекая по равнинѣ, онѣ имѣютъ болѣе медленное теченіе; долше всѣхъ въ горахъ держатся Арагва (до 70 в.) и Ксанка (до 50 в.). Если сравнить общее строеніе долинъ этихъ рѣкъ на южномъ склонѣ съ долинами рѣкъ, вытекающихъ изъ тѣхъ же частей Главнаго хребта на сѣверномъ склонѣ, напр. Терекъ, Ардона, Фиагодна и др., то мы видимъ, что южныя долины

въ общемъ горнодо шире, тамъ встречается такихъ узкихъ тѣснинъ, какъ напр. Дарьяльское или Касарское ущелья съ отвѣсными скалистыми стѣнами. Одна Ксанка составляетъ исключеніе; но лишь въ верхнемъ Джамурскомъ ущельѣ, гдѣ она короткое время шумливо извивается среди отвѣсныхъ скалъ; но потомъ и у нея, какъ и у другихъ названныхъ рѣкъ южнаго склона, окружающія ее горныя цѣпи переходятъ въ болѣе покатые склоны. Причиной этому служатъ болѣе мягкія каменныя породы, и вслѣдствіе этого мы въ южныхъ долинахъ, въ отличіе отъ рѣбныхъ очертаній и дикаго безотраднато оголѣнія сѣверныхъ, встрѣчаемъ болѣе мягкія контуры горъ и богатую растительность хвойныхъ и лиственныхъ лѣсовъ. Къ сожалѣнію, человекъ все продолжаетъ беспощадно уничтожать эту чудную красоту природы**), забывая, что онъ этимъ самъ себѣ наноситъ неисчислимый вредъ, и если не будутъ приняты самыя энергичныя мѣры для защиты лѣсовъ въ этихъ долинахъ, то недалеко то время, когда и въ нихъ, на мѣстѣ чудныхъ лѣсовъ, будутъ торчать голыя скалы.

Хотя я уже въ 1880-омъ году посѣтилъ долину Большой Діахвы до аула Роки, откуда потомъ перевалилъ въ Сѣверную Осетию, но желаніе еще ближе познакомиться съ осетинами южнаго склона и съ мѣстностями ихъ жительства, а также стремленіе найти отвѣты на нѣкоторые этнологическіе и этнографическіе вопросы, побудили меня вторично

*) Весьма обстоятельно это изложено въ статьѣ В. Лаврова въ III выпускѣ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, 1893 г.

**) Рубка лѣса по Ксанкѣ производится выше Джавы до сел. Роки; бревна сплавляются отдѣльно до Джавы и дальше, а потомъ уже изъ нихъ составляются плоты. Вслѣдствіе сплава лѣса рыба сильно уменьшилась въ Б. Діахвѣ.

побывать въ Южной Осетии. Я могъ надѣяться на значительное обогащеніе моихъ знаній объ Осетин, такъ какъ меня любезно сопровождалъ одинъ изъ моихъ сослуживцевъ, О. Джіоевъ, осетинъ по происхожденію.

Опишу сперва вкратцѣ природу пути, по которому мнѣ пришлось ѣхать изъ Гори въ Цхинвалы, къ верховьямъ Большой Лиахвы и къ озеру Кель, откуда я спустился по долинѣ р. Ксанки до ея впаденія въ Куру. Вторая же часть моей статьи будетъ посвящена жителямъ этихъ долинъ. Тутъ я надѣюсь сообщить нѣсколько новыхъ взглядовъ и данныхъ, которыхъ еще нѣтъ въ литературѣ объ осетинахъ.

Большая плодородная и густо населенная равнина, которая на С., СВ. и СЗ. отъ Гори разстилается по обоимъ берегамъ Б. Лиахвы (и М. Лиахвы), уже значительно суживается у Цхинвалъ. На лѣвомъ берегу рѣки подножье горныхъ хребтовъ доходить до самаго русла, на правомъ же берегу, лишь на 5 в. выше, у сел. Тамарашени, горы Билюр-та близко подходятъ къ рѣкѣ. Долина становится узкой, но мѣстами еще расширяется до $1\frac{1}{2}$ —2 в. На склонахъ и на самой равнинѣ близъ рѣки расположены многочисленные грузинскія деревни съ богатыми пашнями и фруктовыми садами. Хорошая проѣзжая дорога идетъ на правомъ берегу до сел. Кехи, между тѣмъ какъ на лѣвомъ берегу дороги весьма непривлекательны и трудны даже для верховой ѣзды. Немного выше Кехи Лиахва прорывается чрезъ узкую тѣснину; тутъ стремительная вода постоянно разрушаетъ дорогу, такъ что приходится съ трудомъ пробираться саженой 10 по обнаженнымъ шифернымъ скаламъ, при чемъ на каждомъ почти шагу подвергаешься риску упасть въ воду. Колесное сообщеніе тутъ прекращается, но если въ р. Падцандовъ, впадающей немного выше въ Лиахву, не бываетъ слишкомъ много воды, то можно ѣхать въ фаэтонѣ до Джа-

вы. Бывшій когда-то на паца-донъ мостъ давно снесенъ. Тамъ, гдѣ рѣка Б. Ліахва выходитъ изъ тѣснины, на правомъ и на лѣвомъ берегу, на буграхъ, стоятъ развалины грозныхъ крѣпостей: на правомъ—кр. Бехи-цихе, принадлежащая князьямъ Мачабели, на лѣвомъ же крѣпость осетинскаго рода Джіоевыхъ. Первая носить общій характеръ древнихъ грузинскихъ укрѣпленій; при ней находится также древняя церковь. Вторая имѣетъ въ своихъ очертаніяхъ своеобразный характеръ; наверху, на бугоркѣ, устроена глубокая яма, крытая куполомъ съ отверстіемъ, черезъ которое спускали плѣнныхъ. До Джавы лѣса, которые когда-то сплошной массой покрывали все пространство, начиная отъ Цхинвалъ *), теперь почти всюду вырублены, но, миновавъ это селеніе, мы скоро видимъ всѣ склоны покрытыми листовными породами, а выше, хвойными деревьями. Пріятно было бы ѣхать въ прохладной тѣни этихъ лѣсовъ, если бы не убійственная дорога, причинявшая намъ мѣстами большія затрудненія. Часто вовсе нѣтъ дороги: приходится ѣхать по руслу рѣки, перебираясь отъ одного берега къ другому. Такъ это продолжается до Рокскаго укрѣпленія, и лишь оттуда дорога становится сносною, хотя и тутъ встрѣчаются опасныя мѣста, на которыхъ узкая тропа, ведущая надъ обрывомъ, постоянно осыпается. Въ 1888 году, когда я пѣшкомъ проходилъ по этой долинѣ, дорога была гораздо лучше; теперь пройти пѣшкомъ не мыслимо, потому что добрую треть дороги приходится идти прямо по водѣ; а между тѣмъ дорога эта служить единственнымъ сообщеніемъ нѣсколькихъ десятковъ селеній съ Цхинвалами и Гори. Во время половодья, понятно, всякое сообщеніе просто прекращается. Такое положеніе дѣла, конечно, должно весьма вред-

*) На это указываетъ между прочимъ, названіе селенія Хенти-ного лѣса, на лѣвомъ берегу Ліахвы, версть 7—8 выше Цхинвалъ.

во отзываться также и на олагосостоянии жителей этихъ долинъ.

У укрѣпленія Роки мы находимся уже на высотѣ около 5000' надъ уровнемъ моря (Джава 3510', Кошки 4277'). Тутъ долина Б. Ліахвы поворачиваетъ на В. У Халикантъ-кари соединяются четыре истока Ліахвы, которые вѣерообразно берутъ начало на значительной высотѣ отъ 8—10000' у горъ Резъ-хоха и Зильга-хоха на С., у горы Кѣли на В. и у горы Квого на ЮВ. Изъ нихъ самый многоводный тотъ ручей, истоки котораго виднѣются въ Эдисахъ, на кряжѣ, идущемъ отъ Зильга-хоха на Ю. В.; онъ въ Эдисахъ принимаетъ, съ лѣвой стороны, значительный притокъ съ замѣчательно черной водой; Сел. Эдисн (21 дымъ, 150 жителей) лежитъ уже въ суровой горной мѣстности, на высотѣ около 6500'. Остатки старыхъ моренъ въ окрестностяхъ указываютъ на то, что тутъ когда-то все было покрыто ледниками. На возвышенности при селеніи красуется церковь; въ селеніи находится также и школа Министерства Народнаго просвѣщенія, самая возвышенная на Кавказѣ, по своему мѣстоположенію. Тутъ кончается также лѣсная растительность. Одинъ истокъ Б. Ліахвы истекаетъ изъ мѣстности Эрмани. Это высокая просторная котловина съ осетинскими аулами, которые окружены альпійскими пастбищами и хлѣбными полями. Ячмень тутъ растетъ и созрѣваетъ на высотѣ до 7600' *). Отъ мѣстности Эрмани дорога къ озеру Кѣль идетъ уже по голымъ, каменистымъ мѣстностямъ съ весьма скудной растительностью; на склонахъ виднѣются низкіе кусты растений *Daphne glomerata* и *Rhododendron Caucasicum*. Чѣмъ выше мы поднимаемся, тѣмъ безжизненнѣе становится природа; кругомъ скалы и камни, наваленные другъ на друга; съ одной стороны

*) Это уже высшій предѣлъ ячменя на Кавказѣ. См. мои прошлогоднія наблюденія въ „Извѣст. Кавказ. Отд. Импер. Русск. Геогр. Общества“. Томъ XVI. № 4, стр. 20—21 (1903 г.)

торчать выльнявш
 кимъ плитамъ которыхъ мы съ лошадьми съ трудомъ карабаемся, а, съ другой, рядомъ съ осадочными породами — вулканическія громадныя глыбы, которыя разбросаны беспорядочно. Такой безотрадной мѣстности, безжизненной пустыни рѣдко увидишь даже въ самомъ дикомъ Дагестанѣ. Тутъ когда-то демоническія силы огня и воды долгое время боролись изъ-за первенства, а результатомъ борьбы ихъ осталась эта страшная пустыня, при видѣ которой сердце невольно сжимается....

II.

Водораздѣлъ между Ліахвой и Ксанкой. Озеро Кѣль. Связанныя съ нимъ преданія. Отсутствие въ немъ рыбы. Верховья Ксанки. Сел. Вагинъ. Минеральный источникъ. Нижнее теченіе Ксанки.

Гребень, составляющій водораздѣлъ между Ліахвой и Ксанкой и отдѣляющій озеро Кѣль отъ верховьевъ Ліахвы, поднимается выше 10000' Онъ на З. замыкаетъ высокое Бельское плоскогорье въ 70—80 □ в., на которомъ расположено до 15 озеръ. Самое большое изъ нихъ озеро Кѣль. (Кѣли). На ю.-восточномъ склонѣ хребта, по которому мы спустились къ озеру, 31-го іюля еще лежалъ глубокой снѣгъ. Съ высоты открывается обширный видъ. На З., на небосклонѣ рисуется семиглавый массивъ горы Брутсабзели, покрытый снѣгомъ; на восточномъ концѣ его какъ будто спускается маленькій ледникъ. На С. и Ю. видъ закрытъ горными хребтами, а на В. передъ нами лежитъ зеркальная темносиняя поверхность озера, окруженнаго невысокими краями громаднаго бывшаго кратера *) , который теперь наполненъ во-

*) Мердбахеръ, который впрочемъ никогда здѣсь не бывалъ, причисляетъ всѣ озера плоскогорья Кѣли къ вулканическимъ; Динникъ же сомнѣвается въ томъ, что озеро Кѣли древній кратеръ, такъ какъ на

дою. Кругомъ Царыи ~~всехъ~~ ~~живыхъ~~ ~~душъ~~, казалось, нѣтъ ни одной живой души. Но когда мы, спустившись къ озеру, вышли на обширные альпійскіе луга съ высокой травой у сѣвернаго залива, дальній лай собакъ раздался съ одного кутана, вокругъ котораго паслись овцы и лошади.

Озеро лежитъ на высотѣ 9583' надъ уровнемъ моря. Оно очень глубоко; съ самаго берега дно его круто опускается; въ объемѣ озеро имѣетъ до 6-ти верстъ, при поверхности до двухъ □ в. Самое широкое мѣсто отъ З. на В. въ одну версту, между тѣмъ какъ прямая линія, проведенная съ сѣвернаго залива къ южному, имѣетъ длину въ 3 в. Вода прѣсная, очень холодная. Рыба въ озерѣ не водится по причинѣ, на которую укажемъ позже. Какъ со всѣми такими уединенными, таинственными озерами всего міра, такъ и съ озеромъ Кель связаны разныя народныя сказанія, утверждающія, что что-то не ладно въ этихъ мѣстностяхъ; что тамошніе горные духи издѣваются надъ людьми, проходящими мимо озера, окутываютъ ихъ густымъ туманомъ или посылаютъ имъ метели и грозы, чтобы они сбились съ дороги. Даже цѣлое войско русскихъ, говоритъ преданіе, утонуло въ озерѣ во время тумана; но русскіе отряды едва ли когда-нибудь тутъ проходили. Рассказываютъ также, что проходящіе мимо озера слѣпнуть. Это можно объяснить тѣмъ, что дѣйствительно человекъ, когда онъ при яркомъ освѣщеніи продолжительное время смотритъ на свѣжное поле — а ихъ тутъ нѣсколько даже лѣтомъ, слѣпнетъ на нѣкоторое время. Явленіе это у нѣмецкихъ альпинистовъ извѣстно подъ названіемъ Schneebblindheit (снѣжная

всемъ протяженіи западнаго берега озера встрѣчаются только осадочныя породы; но зато восточный берегъ заваленъ горами трахитовыхъ обломковъ. Сборн. мат., вып. XVII.

слѣпота); для предупрежденія ея они, при восхожденіи на свѣжныя горы, надѣваютъ дымчатые очки.

Весьма неудобная тропа ведетъ по самому берегу къ южному концу озера; мѣстами встрѣчаются топи, а, главнымъ образомъ, тутъ масса камней, такъ что наши лошади, осторожно переставляя ноги, только съ трудомъ и притомъ весьма медленно могли подвигаться впередъ. Тутъ рѣка Ысанга вытекаетъ изъ озера; прорвавъ край кратера, она медленнымъ, незамѣтнымъ теченіемъ извивается между низкими берегами, но, достигши южнаго края высокаго плоскогорья, она сразу низвергается съ бѣшеной стремительностью въ видѣ каскадовъ и водопадовъ среди массъ лавы и базальта. Достаточно сказать, что рѣчка эта на какихъ-нибудь четырехъ верстахъ своего верхняго теченія падаетъ на 2863', что составляетъ, въ среднемъ, на одну версту 713' (1,4' на одну сажень); на слѣдующихъ же четырехъ верстахъ паденіе ея равняется 1750', т. е. 437 на версту. Это стремительное теченіе и многочисленные водопады, по моему мнѣнію, служатъ единственной причиной тому, что въ озерѣ Ыль рыба не водится, несмотря на то что изъ него вытекаетъ рѣчка. Высокое положеніе озера тутъ не при чемъ, такъ какъ по Брему и др. рыба встрѣчается въ озеряхъ, лежащихъ и на высотѣ 5000 метровъ. Корнелиусъ въ своей книгѣ о переселеніи животныхъ доказываетъ, что семя въ состояніи преодолѣть еемнадцатифутовую высоту, но что никакая другая рыба этого не можетъ сдѣлать. Между тѣмъ каскады и водопады Ысанги гораздо выше 17-ти футовъ.

Ыльское высокое плоскогорье на Ю. и ЮВ. сразу весьма круто обрывается; трудно было спускаться по отвѣснымъ почти склонамъ. Раза два-три поднявшись на высокіе края и опять спустившись въ глубокія ущелья, мы достигли маленькаго осетинскаго аула Верхніе Баганы

(около 7000' надъ моремъ). На ближайшихъ крутыхъ склонахъ лежить еще нѣсколько такихъ ауловъ, живо напоминающихъ дагестанскіе. Эти высокіе аулы обитаемы только въ лѣтніе мѣсяцы, зимою жители спускаются въ лежащія ниже мѣста, гдѣ дома устроены болѣе прочно и приспособлены для зимовки людей и скота.

Окрестности сел. Багины составляютъ альпійскія луга; у самой деревни сѣютъ ячмень на незначительномъ пространствѣ. Лѣса и кустарника нигдѣ не видно, только, когда мы спустились въ долину рѣки, мы нашли таковой на сѣверномъ склонѣ праваго берега р. Бсанки. Тутъ же намъ представилась весьма живописная красивая картина: на маленькомъ полуостровѣ, образуемомъ Бсанкой и однимъ изъ ея притоковъ, на отвѣсной базальтовой продолговатой скалѣ, изъза деревьевъ и кустовъ выглядываютъ развалины крѣпости и церкви. Изъ-подъ этой скалы бьетъ весьма обильный кислый источникъ, вода котораго очень вкусна, сильно шипитъ и искрится, но желѣза въ ней очень мало. Это была самая вкусная вода изъ многочисленныхъ минеральныхъ источниковъ, которые мы отвѣдали во время нашего путешествія. Такъ, въ долинѣ Б. Ліахвы у сел. Джавы, въ Кошбахъ, въ Богіантъ-кари, въ Згубирѣ, въ Эдисахъ, въ мѣстности Эрмани, а потомъ въ Джамурскомъ отдѣлѣ, въ Багинахъ и около сел. Кора мы наслаждались кислой водой. Обыкновенно въ ней находится сильная примѣсь желѣза, такъ что выходы и окрестности окрашены въ желто-красный цвѣтъ. Температура всѣхъ этихъ кислыхъ водъ весьма низкая, не болѣе 6—8° по Р., такъ что, по всей вѣроятности, онѣ берутъ начало на незначительной глубинѣ. Извѣстный геологъ Абихъ полагаетъ, что въ нѣдрахъ горъ центральной части Кавказскаго хребта находятся громадныя массы углекислоты, наполняющія обширныя подземныя пещеры и пустоты.

Нѣсколько выше сел. Павленть-вари монаха направляетъ свое русло прямо на Ю. и въ дальнѣйшемъ теченіи до м. Ахалгори отличается отъ Б. Ліахвы тѣмъ, что временами образуетъ равнины большихъ или меньшихъ размѣровъ, представляющія дно прежнихъ озеръ. Притоковъ Ксанка мало получаетъ какъ съ правой, такъ и съ лѣвой стороны; бассейнъ ея значительно меньше бассейна Б. Ліахвы, которая съ обѣихъ сторонъ имѣетъ длинныя и глубокія боковые ущелья. Склоны хребтовъ, окружающихъ Ксанку, своей растительностью далеко уступаютъ склонамъ Ліахвы; лѣса болѣе рѣдки и вершины горъ большею частью оголены. Среди кустарника обращаетъ на себя вниманіе кустъ *Staphylea colchica* (джонджали), который тутъ растетъ не только въ дикомъ состояніи, но и разводится въ садахъ; растеніе это даетъ жителямъ значительный доходъ своими кистеобразными цвѣтами, которые маринуютъ. У сел. Ахалгори уже начинаются виноградники, фруктовые сады и пашни; громадныя орѣшники распространяютъ прохладную тѣнь. Но тамъ, гдѣ культуры нѣтъ, все обросло отвратительными колючками (*Paliurus aculeatus*). Ниже сел. Ксовриса, въ приблизительно 20-ти верстахъ отъ Куры, Ксанка образовала когда-то громадное озеро, пока, прорвавъ низкій хребетъ Тагаты (у развалинъ крѣпости Варцихе), не проложила себѣ пути до долины Куры. Хотя долина Ксанки по живописности много уступаетъ долинѣ Ліахвы, но она тоже не лишена красивыхъ мѣстъ въ особенности тамъ, гдѣ развалины крѣпостей вѣнчаютъ вершины горъ. Такія развалины мы встрѣчаемъ около Павленть-вари, Монастыри, около Цирколи, гдѣ за правымъ берегомъ, на очень высокой горѣ, красуется старая крѣпость съ грозными башнями, а, на лѣвомъ берегу, у самой дороги, красиво расположенъ барскій домъ кн. Орбеліановыхъ со старыми укрѣпленіями. Такія же укрѣпленія и башни мы замѣтили также и въ Ахалгорахъ.

III.

Осетины и ихъ языкъ. Гипотеза о ихъ происхожденіи. Нѣкоторыя данныя въ пользу германскаго происхожденія осетинъ.

Считаю здѣсь нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ осетинахъ вообще и потомъ объ осетинахъ, населяющихъ долины Б. Діахвы и Бсанки, въ отдѣльности.

Извѣстно, что существуютъ два противоположныхъ мнѣнія касательно происхожденія осетинъ. Противъ Шегрена, который, основательно изучивъ осетинскій языкъ, послѣ долгихъ колебаній, причисляетъ осетинъ къ германскому племени, профессоръ В. Ф. Миллеръ на V Археологическомъ Сѣздѣ въ г. Тифлисѣ выставилъ на видъ, что осетинскій языкъ представляетъ собою одно изъ видоизмѣненій древняго иранскаго языка, что осетины—одинъ изъ народовъ иранской группы, населявшихъ въ древніе времена, подъ именемъ сарматовъ, массагетовъ и т. д. пространство между Чернымъ и Каспійскимъ морями и вытѣсненныхъ оттуда въ послѣдствіи народами тюркскими. Оторванные отъ своихъ сородичей напоромъ новыхъ пришельцевъ и втиснутые въ ущелья средняго Кавказа, осетины благодаря изолированности своей территоріи, сохранили въ теченіе тысячелѣтій свою древне-иранскую индивидуальность. Къ этому прибавимъ еще мнѣніе графа Уварова, что, судя по общему характеру археологическихъ находокъ въ Осетіи, осетинская культура паходила подъ азіатскимъ вліяніемъ; по своимъ рисункамъ эти предметы имѣютъ особенное сходство съ рисунками древне-ассирійскими *).

Было бы слишкомъ смѣло съ моей стороны возражать что-либо противъ мнѣнія такихъ компетентныхъ ученыхъ, но, я думаю, что нельзя не согласиться съ тѣмъ, что во-

*) См. Д. Лавровъ: Осетія. Сборн. матеріал. за 1883 г. Т. III.

прось о происхожденіи осетинъ еще не разрѣшенъ. Поэтому да будетъ позволено мнѣ, посѣтившему Осетию уже нѣсколько разъ и изучавшему литературу объ Осетии довольно подробно, привести нѣсколько данныхъ для рѣшенія этого вопроса.

Историческая наука въ послѣднее время стала различать культурные народы, которые создали свою самостоятельную культуру, и историческіе народы, которые вступали съ другими народами въ борьбу и у которыхъ подвиги героевъ передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе. По всѣмъ даннымъ осетины принадлежатъ къ послѣдней категоріи. Хотя исторія и умалчиваетъ о военныхъ подвигахъ этого народа или лишь мимоходомъ упоминаетъ о нихъ, но въ памяти самаго народа сохранилось живое воспоминаніе о геройскомъ вѣкѣ осетинъ. Что же всѣ эти сказанія о тартахъ-богатыряхъ другое, какъ не темное воспоминаніе о славныхъ подвигахъ предковъ? Къ сожалѣнію, народъ не былъ настолько культуренъ, чтобы имѣть свою письменность, посредствомъ которой могъ бы увѣковѣчить славные подвиги, и осетинскіе герои находились въ такомъ же положеніи, какъ Александръ Македонскій, сильно сожалевавшій о томъ, что среди македонянъ нѣтъ такого поэта, какъ Гомеръ, который бы прославилъ его, какъ Ахилла, на вѣчныя времена. Культурные народы, кромѣ письма, оставляли всегда также и слѣды своего пребыванія въ извѣстной мѣстности, въ видѣ болѣе или менѣе обширныхъ построекъ и памятниковъ архитектуры, подъ развалинами которыхъ можно найти также разныя произведенія искусства. Ничего подобнаго нѣтъ у осетинъ, потому что древнія постройки въ Нузалѣ и въ Касарскомъ ущельѣ слишкомъ уже жалки и притомъ имѣли только цѣлью загородить непріятелю доступъ въ ущелье Ардона. Римскій писатель Аммианъ Марцелинъ (XXXI, 2, въ IV в. по Р. Х.) прямо говоритъ про азановъ, тождествен-

ныхъ съ осетинами, такъ: „у нихъ нѣтъ ни храмовъ, ни святынь, также нигдѣ не замѣтно хижинъ, покрытыхъ соломой“ и еще на другомъ мѣстѣ: „у нихъ нѣтъ постоянныхъ жилищъ, они не занимаются земледѣіемъ“. Что же касается до оригинальныхъ чисто осетинскихъ украшеній, находимыхъ при раскопкахъ, то о такихъ, какъ мы видѣли выше изъ словъ графа Уварова, говорить тоже не приходится.

Отсутствіе культуры, письменности и памятниковъ архитектуры служить, между прочимъ, и вѣснымъ доказательствомъ того, что осетины долгое время были номадами. Остатками ихъ кочевой жизни можно считать легкія, весьма незатѣйливыя, одноконныя арбы на двухъ колесахъ. Это игрушечка въ сравненіи съ неуклюжей тяжелой допотопной грузинской арбой. Она сдѣлала возможнымъ быстрое передвиженіе по болѣе или менѣе ровнымъ степямъ Сѣвернаго Кавказа и Южной Россіи до самаго Дуная и даже до западной Европы. Вотъ что Аммианъ Марцелинъ рассказываетъ (XXXI, 2): „аланы (т. е. осетины) живутъ въ своихъ повозкахъ, которыя покрываютъ кусками древесной коры и таскаютъ по неизмѣримымъ степямъ.... Какъ только кормъ весь въ извѣстномъ мѣстѣ уничтожается, они отправляютъ дальше на повозкахъ, такъ сказать, свое государство. Эти повозки ихъ постоянныя жилища, и, гдѣ бы они ни кочевали, всегда они свою повозку считаютъ своей родиной“ *).

Главнымъ же занятіемъ этихъ кочевниковъ было скотоводство. Это занятіе осталось также главнымъ послѣ того, какъ осетины ушли въ горы. Во всѣ времена и до сихъ поръ скотина играетъ важную, даже главную роль въ экономическомъ быту осетинъ. Борова дуг (=нѣм. Kuh) служила и служить до сихъ поръ мѣриломъ цѣнности; калымъ (по-

*). Ср. Осетинскіе этюды Всеволода Миллера ч. III, гл. 2.

осетински *ipāk*, — ~~слова еще употребляются по донынешь, и~~
 коровами. Въ этомъ отношеніи осетины совсѣмъ близко под-
 ходять къ германскимъ народамъ. Такъ, напр., Тацитъ пишетъ
 о древнихъ германцахъ, что стада ихъ единственное и самое
 любимое достояніе (*numero gaudent, eaque solae et gratissi-
 mae opes sunt*), а древніе индусы тоже опредѣляли цѣну не-
 вѣсты коровами. У грековъ же молодая женщина, выходя-
 щая замужъ, имѣетъ почетный эпитетъ *ἀλφειόβοια*, т. е.
 приносящая много быковъ *). Но при этомъ можетъ пока-
 заться страннымъ, что, сколько мнѣ извѣстно, лишь два
 осетинскихъ слова, относящіяся къ скотоводству, похожія на
 германскія, а именно *qug*—корова *Kuh* и *фыс* овца на лат.
ovis.

Главнымъ занятіемъ народа обуславливается не только
 его пища и одежда, но, что гораздо важнѣе, его политиче-
 скій строй, а также обычай и нравы. Повсюду у народовъ-
 пастуховъ и скотоводовъ мы видимъ, что скотоводство есть
 главное занятіе мужчинъ, ихъ привилегія; у всѣхъ такихъ
 народовъ мы встрѣчаемъ обычай покупки женъ. Оттуда и
 начинается патриархальный строй семьи; патриархальная си-
 стема нигдѣ такъ не развита и доведена, такъ сказать, до
 крайности, какъ у скотоводовъ. Оттого, напр., въ первоначальномъ
 германскомъ языкѣ мы напрасно будемъ искать такихъ словъ,
 которыя выражали бы родственную связь между
 мужемъ и роднею жены; не существуетъ даже слова, выра-
 жающаго то же самое, что у насъ выражаетъ слово „тестъ“.
 У осетинъ, хотя и съ выходомъ замужъ жена всецѣло при-
 надлежитъ дому мужа и хотя въ осетинскомъ языкѣ
 нѣтъ словъ для обозначенія родни жены, все-таки, въ противо-
 положность древнимъ германскимъ народамъ и другимъ арий-

*) Ср. Prof. Dr. M. Winternitz: Was wissen wir von den Indo-
 germanen? Beilage zur Allgem. Zeitung. Okt. u. Novbr 1903 №№ 238
 239 etc.

цать, жена во время беременности возвращается съ подарками въ домъ родителей и живетъ тамъ до разрѣшенія отъ бремени.

При патриархальномъ началѣ семьи, само собою разумѣется, рожденіе мальчиковъ встрѣчается съ радостью, между тѣмъ какъ рожденіе дѣвочки считается несчастіемъ. Почти всѣ отличительныя черты семейнаго быта пастушескихъ народовъ сохранились и донинѣ у осетинъ и служатъ, между прочимъ, причиной тому, что, большею частью, въ одномъ аулѣ все живутъ однофамильцы. Я имѣлъ удовольствіе во время моего путешествія въ нѣкоторыхъ гостеприимныхъ священническихъ семействахъ любоваться прелестью такой патриархальной жизни. Въ одномъ и томъ же домѣ мирно и въ замѣчательномъ согласіи живетъ нѣскольکو семействъ и поколѣній и трудятся, съ дѣдушкой во главѣ, съ утра до вечера. Патриархальное начало быта сохранилось также у тѣхъ осетинъ, которые, какъ, напр., южные осетины, принужденные обстоятельствами, перешли, хотя и неохотно, къ земледѣлію. Надо, впрочемъ, предположить, что уже въ весьма отдаленныя времена многіе осетины выбрали это, хотя менѣе симпатичное для нихъ, занятіе. Предположеніе это я основываю на случайномъ открытіи. Дѣло въ томъ, что во многихъ древнихъ нѣмецкихъ и французскихъ актахъ встрѣчается слово „bongarius“ „bonnarius“ „bonnier“ какъ земельная мѣра ($\frac{1}{4}$ десят.). Никто изъ ученыхъ до сихъ поръ не былъ въ состояніи объяснить это слово, не имѣющее никакого сходства съ какимъ-либо другимъ въ европейскихъ языкахъ. Но вотъ оказалось, что у осетинъ существуетъ до сихъ поръ слово „боген“ дневное паханье (бон—день, ген—дѣлать), т. е. столько земли, сколько можно вспахать въ одинъ день ($\frac{1}{4}$ десят. нѣм. Morgen)*). Мнѣ удалось также узнать,

*) „Богенъ“ въ горахъ меньше, чѣмъ на равнинѣ, гдѣ земля легче обрабатывается.

какимъ путемъ

Европы. Прокопій (de Bello Vandalico, Stritter, Memoriae populi-
logum и т. д. IV, 336), рассказывая о движеніи вандаловъ
къ франкамъ и къ рѣкѣ Рейну (въ 438 г.), упоминаетъ,
что они увлекли за собою и алановъ (т. е. кавказскихъ
осетинъ), племя готское. (Аланы также являются въ войскѣ
вандалскаго царя Гизериха въ 468 г.).

Бстати укажемъ тутъ еще нѣсколько осетинскихъ мѣръ,
названія которыхъ еще сохранились рядомъ съ официаль-
ными русскими мѣрами, но которыя, должно быть, скоро
исчезнутъ изъ памяти народа *). Такая мѣра, напр., „армаріи“
(напоминающій нѣмецкое слово Arm—рука), означающая
длину отъ локтя до конца средняго пальца, приблизительно
аршинъ; потомъ „воленг“ и „водішин“—разстояніе отъ кон-
ца мизинца до конца большаго пальца при растянутыхъ
пальцахъ. На пути разстояніе опредѣляется осетинами вре-
менемъ перехода, напр., „јубон“ означаетъ дневной пере-
ходъ и дѣлится на три неравныя части, именно: время отъ
ранняго утра до 10-ти часовъ называется „аходен-афон“, отъ
10-ти до 12 час. „сіхор-афон“ и „галте-вашен афон“
т. е. время отпуска быковъ, т. е. до 6-ти часовъ вечера.
Но, кромѣ того, существуютъ еще другія мѣры: „садшеш“
шагъ взрослога человѣка „іваши“—разстояніе при растяну-
тыхъ направо и налѣво рукахъ между кончиками среднихъ
пальцевъ, т. е. приблизительно въ человѣческой ростъ. Но
какъ уже было сказано, всѣ эти мѣры все больше исчеза-
ютъ изъ памяти народа, такъ что молодое поколѣніе ихъ
уже не знаетъ, а примѣняетъ русскія названія.

*) Былъ бы весьма полезный и интересный трудъ собирать на-
званія разныхъ мѣръ у кавказскихъ народовъ, пока они не будутъ
совсѣмъ забыты.

IV.

Разница между сѣверными и южными осетинами. Ненависть между южными осетинами и грузинами. Остатки язычества среди осетинъ, рядомъ съ христіанствомъ и магометанствомъ. Культъ предковъ.

Внимательному наблюдателю поневолѣ бросается въ глаза, что южные осетины, которыхъ сѣверные называютъ „туальта“, своей внѣшностью и своими манерами довольно рѣзко отличаются отъ сѣверныхъ. Разницу эту не столько создала разная религія, сколько окружающая ихъ природа и среда. Сѣверный осетинъ, магометанинъ, физически сильнѣе и больше ростомъ, имѣетъ болѣе гордый, самонадѣянный видъ, рыцарскія замашки, благородныя манеры; лихое наѣздничество и удалство его характерныя черты. Ходить пѣшкомъ чуть ли не считается позоромъ. Суровая природа сѣверныхъ долинъ создала крѣпкое поколѣніе и не позволяетъ долго жить слабымъ особямъ. Суровый климатъ и тяжелая работа, борьба съ природой закалили сѣверныхъ осетинъ. И хотя они были подвластны кабардинцамъ, имъ это не было такъ чувствительно, при чемъ они отъ нихъ приняли кабардинскій этикетъ, изящныя и благородныя манеры въ обращеніи, но, къ сожалѣнію, подъ влияніемъ ихъ измѣнили, большей частью, христіанской религіи. Южные осетины, за немногими исключеніями, производятъ впечатлѣніе менѣе благопріятное, чѣмъ сѣверные, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ основаніи. Болѣе мягкій климатъ и болѣе благопріятныя условія природы позволяютъ жить также и слабымъ особямъ и не требуютъ такого напряженія тѣлесныхъ и умственныхъ силъ въ борьбѣ за существованіе, какъ на сѣверѣ. При этомъ въ нихъ до сихъ поръ замѣчается какое-то угнетенное настроеніе, которое сохранилось съ тѣхъ тяжелыхъ временъ, когда они были безправными холопами грузинскихъ князей. Отсюда также объясняется существующая понинѣ

вражда и ненависть между осетинами и грузинами (осетинъ) у грузинъ и „гурѣакъ“ (т. е. грузинъ) у осетинъ чуть ли не ругательныя слова. Эта вражда имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что осетины и грузины, живя рядомъ, никогда не соединяются въ одну деревню, но живутъ всегда особнякомъ. Браки между обоими народами весьма рѣдки, и если они иногда и состоятся, то осетинъ женится на грузинкѣ, но не наоборотъ. Но надо сказать, что также между южными осетинами есть болѣе благородныя, которые высоко смотрятъ на другихъ соплеменниковъ. Такъ, напр., ксанцы, т. е. жители средняго и нижняго теченія р. Бсанки не пользуются особенно лестной славой у другихъ, главнымъ образомъ отъ того, что они своихъ женъ опредѣляютъ по городамъ въ качествѣ кормилицъ и прислуги. Это остальные осетины считаютъ большимъ позоромъ и „ксанцамъ“ этого простить не могутъ.

Между тѣмъ какъ сѣверные осетины прежде были христианами, но, подъ вліяніемъ кабардинцевъ и крымскихъ хановъ, приняли исламъ, южные осетины, по всей вѣроятности, уже христианами перешли на южный склонъ и, по крайней мѣрѣ, формально и съ внѣшней стороны исповѣдуютъ христіанскую религію. Даже въ высокихъ уединенныхъ мѣстахъ масса развалинъ маленькихъ церквей бросается въ глаза. Едва ли ошибочно будетъ вывести изъ этого заключеніе, что тутъ прежде жило густое христіанское населеніе. Это все весьма простыя постройки съ продолговатымъ базисомъ и низенькими дверьми на З. и маленькимъ узкимъ отверстіемъ для свѣта въ восточной стѣнѣ, какъ мы ихъ встрѣчаемъ всюду въ Грузіи. Мы полюбознательствовали ближе осмотрѣть такую довольно хорошо сохранившуюся церковь немного выше Багины, во имя „Цацилы“ (Илья) и Майрамъ (Марія), гдѣ иногда происходитъ богослуженіе. Но рядомъ съ этимъ христіанскимъ храмомъ нахо-

дится осетинскій большая куча камней, въ серединѣ которой воткнуть бѣлый флагъ на высокомъ шестѣ и нѣсколько палокъ; оттуда на далекомъ пространствѣ тянутся ряды камней для сидѣнія и посреди нихъ лежатъ каменные плиты. Тутъ осетины ближайшихъ ауловъ собираются нѣсколько разъ въ годъ, приносятъ жертвы и кутятъ. Недалеко оттуда, на высокой вершинѣ, находится еще другой высоко чтимый „дзуаръ“, но туда никто не взбирается или даже близко туда подходить: онъ ослѣпнетъ.

Такимъ образомъ у южныхъ осетинъ, какъ и у сѣверныхъ и у многихъ кавказскихъ племенъ процвѣтаетъ, рядомъ съ христіанской религіею и исламомъ, еще много языческихъ обычаевъ и будутъ существовать, пока яркій свѣтъ просвѣщенія не разсѣетъ ужасающій мракъ невѣжества.

Изъ религіозныхъ обычаевъ, сохранившихся со временъ язычества, больше всего обращаетъ на себя вниманіе культъ предковъ, лучше сказать, покойниковъ. Но между тѣмъ какъ у древнихъ германцевъ такое почитаніе умершихъ было основано на страхѣ, на желаніи умилостивить ихъ и избѣжать ихъ гнѣва *)), осетины придали этому культу болѣе симпатичный, поэтическій и, такъ сказать, болѣе задушевный характеръ. Они увѣрены, что умершіе въ загробной жизни имѣютъ такія же потребности, какъ оставшіеся въ живыхъ. Поэтому они имъ устраиваютъ гдѣ-нибудь внѣ деревни, въ прохладныхъ тѣнистыхъ мѣстахъ, преимущественно у родниковъ, шалаши со скамейками и относятъ туда разную пищу. Обычай этотъ, впрочемъ, кажется понемногу выходить изъ моды, такъ какъ я во время моего послѣдняго путешествія такихъ шалашей болѣе не видѣлъ, между тѣмъ какъ лѣтъ 15 тому назадъ я ихъ встрѣчалъ еще нѣсколько.

*) Cp. Prof. Dr. Winternitz: Was wissen wir von den Indogermanen? Beil. Z. Allg. Ztg. Okt. Nov. 1903 г.

Но остается еще въ полномъ своемъ значеніи обычай устраивать въ день похоронъ пиръ горой, чтобы обрадовать душу покойнаго и почтить его память, а въ извѣстные праздники, напр., къ Рождеству Христову, къ Успенію и т. д. устраивать торжественныя поминки. Весьма характерно приурочиваніе такихъ чисто языческихъ обычаевъ къ христіанскимъ праздникамъ; оно какъ нельзя лучше доказываетъ, что народъ этотъ далеко еще не проникнутъ высокими ученіями и возрѣніями христіанской религіи, хотя такой обычай, можетъ-быть, и позаимствованъ отъ сосѣднихъ грузинъ. Кроме того, осенью, послѣ уборки хлѣба, когда амбары и житницы полны новымъ урожаемъ, устраиваются пиршества, а послѣ нихъ скачки въ честь покойниковъ.

Сохранилось также у осетинъ что-то на подобіе одного обычая древнихъ германцевъ, у которыхъ принято было трижды объѣзжать или обходить кругомъ могилы и трижды носить гробъ вокругъ нея *). Осетины посвящаютъ часто коня съ буркой и другими принадлежностями ѣздока усопшему, при чемъ обводятъ коня три раза вокругъ могилы, увѣренные въ томъ, что все это пригодится покойному въ загробной жизни. Это представленіе опять доказываетъ низкій уровень культуры осетинъ.

Резюмируя данныя этого краткаго этнографическаго этюда, я прихожу къ тому заключенію, что у осетинъ, хотя въ ихъ языкѣ и обычаяхъ есть много общаго съ индогерманскими народами, мы находимъ также много элементовъ чуждыхъ индогерманскимъ народамъ,—такихъ элементовъ, въ которыхъ сказывается соприкосновеніе съ другими не индогерманскими, напр. тюркскими народами и которыя нужно объяснить вліяніемъ этихъ послѣднихъ. Во всякомъ случаѣ осетины еще во многихъ отношеніяхъ составляютъ интерес-

*) Ibid.

вую загадку для симметрична, да и природа осетин далеко еще не такъ изучена, какъ бы слѣдовало. Надо ожидать, что молодое поколѣніе осетинъ, изъ которыхъ уже достаточное число получило и получаетъ высшее образованіе, не преминетъ основательно, по всѣмъ направленіямъ, изучить свою интересную народность и обладающую замѣчательными красотами природы страну.

Б. О. Ганъ.